

В ПОИСКАХ ДОБРОТЫ

Курский государственный театр кукол пригласил зрителей совершить «Хождение на край света».

Основой для столь необычной «кругосветки» послужила пьеса **Кати Рубиной** «Бабаня». Надо сказать, что Курский кукольный активно работает на взрослого зрителя: «Бабаня» — восьмой спектакль (за время работы главного режиссера заслуженного деятеля искусств РФ **Валерия Бугаёва**), предназначенный для студентов, школьников старшего возраста и их родителей. Серьезные награды получил один из них — «Повелитель мух» (по У. Голдингу), зато дважды — на Самарском и Белгородском фестивалях. Но все они дороги режиссеру, как дети, с каждым связаны и трудности постановок, и радости удач.

«Бабаню» сдали в конце прошлого сезона, а «обкатали» в **Южно-Сахалинске** на **IV Международном фестивале «На островах чудес»**. Приглашение получили от

организаторов фестиваля, в частности, директора Сахалинского театра Антонины Добролюбовой. Дальневосточники взяли на себя и все основные расходы: по перелету труппы и доставке багажа. Фестиваль не конкурсный, поэтому главными наградами стали возможность других посмотреть (было 16 театров из европейских и азиатских стран), и себя показать, и благодарность публики. Принимали восторженно, таких аплодисментов, сказал В. Бугаёв, даже в родном Курске не слышали, хотя зритель дома отзывчивый.

«Обрушившийся» успех с лихвой компенсировал все сомнения и трудности, связанные с постановкой. Сам режиссер признал, что «пьеса сопротивлялась еще более, чем когда-то Голдинговский текст. Это же психологическая пьеса для живых актеров, а тут — куклы. Приходилось и барьер актерского непонимания преодолевать. Но все «утряслось»: актеры не толь-

«Бабаня»

ко поняли свою задачу и прониклись ею, но и привыкли к необычности ролей и полюбили своих героев».

Пьеса «Бабаня» — уже признанная и дипломированная (первое место в 2012 году на фестивале «Авторская сцена» в Ярославском театре им. Федора Волкова), поставленная в нескольких российских театрах — в Туле, Ярославле, в Пермском крае. Премьера в Курске отлична от всех способом сценического воплощения: в двух планах сразу — живых актеров и кукол. При том, что ни на йоту не нарушается ни авторский текст, ни драматургическая основа пьесы. В полном соответствии с нею зрителю открываются быстро сменяющиеся мизансцены у рампы и «картины» на заднике — экране, сопровождающиеся шумами и голосами аэропорта, вокзала, толпы. Они создают тревожную атмосферу необъятности мира и быстро текущего времени, в которых судьба даже отдельно взятого героя легко превращается в песчинку, потерянную и никому не нужную, утратившую устойчивость в жизни и чувство родного дома. А спектакль «замешан» не на судьбе одного, а нескольких узнаваемых, и вполне в духе времени персонажей. Здесь и не совсем здоровый не говорящий мальчик, и трансвестит с легко угадываемыми болячками, и молодая девушка с неудавшейся судьбой, и сама Бабаня, только что похоронившая дочь. Собственно, все, с кем встречается в этом невероятном путешествии Бабаня, в какой-то степени потерянные люди. Да не нова и тема русских эмигрантов, оказавшихся за рубежом в непростые годы очередных политических лихорадок и неустрой. И все это предостало втиснуть в рамки определенной специфики кукольного театра, не вызывая насмешек и недоумения публики и не преступая границы театрального жанра.

В режиссерской интерпретации пьеса оказалась понятней, интересней и глубже вроде бы наспех прорисованных сцен. Нас учили, что в драматическом произведении эпохи классицизма должно присутствовать триединство: места, времени и действия. Клиповое сознание нынешних ав-

торов диктует иные законы. Вот и в «Бабане» быстрая смена «кадров», закусные перемещения героини, невидимые нам, но слышимые благодаря громким объявлениям диспетчеров аэропортов, поначалу создают сумятицу и препятствуют цельному восприятию завязавшегося сюжета. Для режиссера театра кукол при этом задача усложняется вдвое: если в драмтеатре для смены интерьера требуется несколько секунд движения поворотного круга, то здесь все происходит на глазах зрителей и руками тех же актеров, которые только что были героями пьесы.

Надо сказать, что справляются они со своей задачей блестяще, а обеспечены эти темповые замены точно рассчитанными размерами и выбором декораций и, прежде всего, их минимализмом. Один-два трансформирующихся предмета, тонкие штрихи и, пожалуйста, — и тесная каморка Алки, и оконная железнодорожная ветка с греющими скоростными составами, — все налицо. Хотя несколько минут назад мы ничуть не сомневались в том, что находимся рядом с Бабаней в ее убогой «зале» среди немойтой посуды и печали недавней утраты.

Эти фантазмагии — плод совместной работы режиссера-постановщика Валерия Бугаёва и художника-постановщика заслуженного деятеля искусств Украины **Виктора Никитина**. Один придумал деталь декорации, другой заставил ее «работать». И появился «летающий» глобус — как волшебный ковер-самолет, переносщий Бабаню в разные места планеты. А в руках Трегора оказался фонарик, — не блуждающий бездумно огонек, а лучик, освещающий путь к пониманию, состраданию, добру, обретению себя. Танцем постановщиков верно определил главные знаки зрительного восприятия контекста пьесы. Например, все время маячит в верхнем углу сцены макет заснеженного маленького домика — как символ Родины, забытого Богом Спянска, откуда пустилась сеять добро Бабаня, и под крышей которого собрались потом встреченные ею судьбы. Дескать, Австралия — вот она, на экране, в гуле самолетов и сменяющихся

«Бабаня». Финальная сцена

картинках, но душа Бабани и всех остальных — в России. И об этом они не могут, не вправе забыть.

Постановка пронизана нежной печалью. И из зала ответно идет волна сочувствия героям, даже таким, как Пин Понг, кого совсем недавно просто считали изгоем. Режиссер, следуя авторскому тексту, прикоснулся к непростым человеческим судьбам (хоть наполовину и в кукольном варианте), но сделал это с предельной тактичностью, выбрав точную тональность, не топя зрителя морем слезливой жалости, не вызывая раздражения, но пробуждая лишь светлые чувства. Здесь нет сопотвращения человеческого материалу. Наоборот, герои-куклы тянутся друг к другу, являя нам образец человеческого общения, понимания друг друга. Им нечего делить и не о чем спорить. И вполне естественной становится потребность помочь ближнему. И мы вместе с ними ощущаем и чувствуем: обычные люди быстрее находят общий язык — без политики и границ.

Наверное, это было бы невозможно без предельно точной игры актеров, водящих

кукол. На сцене каждый герой присутствует в двух ипостасях — человека и куклы. Актеры работают с планшетными копиями своих персонажей. Иные варианты и представить себе невозможно, так плавно и естественно переплетаются движения живых человеческих рук и кукольных, так слаженно переключается каждый поворот головки, ведомый артистом, с теплыми, домашними словами и интонациями, идущими прямо от сердца. Эмоциональное слияние полное, и когда артист ненадолго оставляет куклу и напрямую общается с залом, уже и не задаешься вопросом, кто к тебе обращается — Бабаня или заслуженная артистка РФ **Наталия Бугаёва**, Хрифта или **Елена Печуренко**.

Куклы замечательно отображают характеры своих героев — немного бесшабашная Алка, «застегнутый на все пуговицы» КИфер (Кефир), сломленный и покорный судьбе Зимовий, «закаменевшая» в одиночестве и горе Христа, натужно веселящийся, но глубоко несчастный Пин Понг. И над всем этим пестрым хором светлым лучиком, как фонарик Тре-

гора, сияет Бабаня — самая трогательная кукла из всех. Сколько материнского, вселенского, женского тепла в голосе Наталии Бугаёвой, движениях, песнях!.. Ее Бабаня не обучена хорошим манерам, но издержки словесного простецкого общения искупаются удивительно прочувствованной тональностью актрисы, работающей «в унисон» с куклой. Бабаня — живая, легко переходящая от печали к озорной прибаутке, но не вульгарная, в ней есть и философская мудрость, и глубинная женская сердечность. Как хороши ее песни — тихие, распевные, вроде бы в привычку вошедшие, а нет, незатейливо переплетенные с действием, по сути, они — составная часть действия, эмоционально наполняющая его.

Потрясающе водит своих кукол **Александр Титов**. Его Трегор — озорной, живой и чуткий ребенок, волею судьбы потерявший речь. Она вернется к нему, что-то отгадет в его замерших голосовых связках под влиянием общения с Бабаней, и он радостно завопит в финале, стоя у наряженной елочки. А комично-трагичный Пин Понг в нелепом желтом платье и с лысой головой, иступленно исполняющий свой «коронный» номер, как истосковавшееся дитя, принимает ласку и заботу Бабани...

Изумительно владеет голосовыми характеристиками своих героев (Шура и Христа) Елена Печкуренко. Несколько потерялась на фоне этих ярких личностей Алка (**Ольга Удот**). Но это, скорее, просчет автора, — линия дочери Бабани выписана не так подробно и выпукло. Построенная на внешнем контрасте роль **Игоря Семяновского** поначалу удивляет: увальень актер и маленький, тонкий, какой-то высохший Зимовий (кукла). Но, взглядываясь в этот «дует», вслушиваясь в рассказываемую историю, понимаешь, каким был и каким стал некогда полный сил и надежд талант, чью судьбу безжалостно перемолола «бульдозерная машина строя», не признающая инакомыслия, собственного не взгляда на жизнь. Однако из тех времен и возникла перед нами Бабаня — с извечны-

ми русскими, православными истинами: «Что такое доброта? Забыть обиду и простить». Или: «А кто где — свой?..».

Известная истина: счастливым насильно сделать нельзя. Курская «Бабаня» дарит счастье всем, с кем столкнула ее жизнь. Вопреки обстоятельствам, трагическим событиям (спектакль-то начинается с похорон), угадав, почувствовав в ставших друзьями людей (куклах?..) жадное стремление быть счастливыми. Режиссер и его творческая команда и нам подарили частичку этого счастья. Ведь так проникновенно сказала со сцены об этом Наталия Бугаёва (или Бабаня?..) в финале: «Хорошая картинка. Правильная. Вот они, мои, родные, все здесь...». Апофеозом стали цветы непривычного растения, вдруг взнесшиеся над этой дружной разноязычной семейкой, собравшейся вокруг Бабани. Впрочем, почему «вдруг»? Разве не мечтала она о том, как прорастут неказистые шишки над дорогами ее сердцу местами: у больнички, у школы, на могилке дочери?..

А вообще-то это сказка, новогодняя, рождественская (у автора она так и именуется — «Святочная история»), со всеми присущими жанру чертами: волшебными закулисными перемещениями героев во времени и пространстве, «оживающими» куклами вместо реальных людей, переплетением фантастических, невероятных событий. Здесь много музыки, причем, оригинальной, «живой» (музыкальное оформление заслуженного работника культуры РФ **Александра Москаленко**), «прикольных» песенок, проецируемых на наше время. Жаль, что в программе не обозначены эти удивительно к месту звучащие инструменты: гитара, балалайка, губная гармошка и актеры, играющие на них.

В финальной сцене и елочка наряженная появляется, только вместо полночного снегопада колышутся алые свечи любви, освещающие дорогу добра, которая нужна всем — и в Австралии, и в России.

Валентина КУЛАГИНА
Фото предоставлены театром